

B87992

**Их воспитал
комсомол**

ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „КОММУНИСТ“
САРАТОВ

1942

Обязательный
ксерокопированный экземпляр

А.

1387/992

Их воспитал КОМСОМОЛ

(О комсомольцах—героях
отечественной войны)

699/5

ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „КОММУНИСТ“
САРАТОВ

1942

Товарищи.

Нужество рождается в борьбе. Нужество
воспитывается из дня в день в упорном
сопротивлении трудностям. И девиз
нашей молодежи — это мужество,
это упорство, это преодоление
всех препятствий.

Только вперед, только на
много огня. Только через
трудности к победе и только
к победе — и нигуда иначе!

Вот девиз молодежи нашей страны,
девиз прекрасный, девиз мужественный,
девиз, заветный нашим воинам.

И Огневой

Прорыв

Нас было семеро.

Группу подбирал я. Но командиром выбрали лейтенанта Алексея Миронова: он коммунист и опытнее нас всех. С нами сержант комсомолец Лебедев, старшина комсомолец И. Титов, военфельдшер Шура Цветкова, водитель коммунист Ананьев и комсомолка военфельдшер Фиса Шанаева. Нас отрезали от своих. Надо пробиться или погибнуть. Другого выхода у нас нет...

Находимся у станции С. Остаться здесь мы не могли. Это значило быть уничтоженными минометно-пулеметным огнем: в атаку на кусты фашисты не пойдут, а будут из укрытых мест швырять целый день мины и сыпать пули.

Наш командир целый день вел разведку, ползал на животе, засекая огневые точки противника. Заодно снял три фашистских «кукушки» во главе с франтоватым офицериком. Теперь пути отхода более или менее ясны. Итти надо немедленно: какой смысл дожидаться утра, если можно попробовать прорваться ночью?

Стемнело. Начинаем отходить. Впереди лейтенант, за ним все остальные, я в конце — замыкающим. Пробираемся тихо, используя для ориентировки немецкие пулеметы: они строчат неугомонно, засыпая дождем пуль весь перелесок. Пули с противным визгом носятся повсюду. Они шлепаются наизлете то у самых ног, то впереди, то сзади, то по сторонам. Трасси-

рующие пули описывают красивые дуги. Похоже на фейерверк...

Эти трассирующие пули особенно помогают нам: мы видим, куда бьет фашист, и в зависимости от этого или движемся во весь рост или ползем. Временами останавливаемся, переживаем.

Одна остановка длилась более часа. Мы лежали на животе в трех—пяти метрах от дороги. Дорога, очевидно, была пристреляна фашистами заранее. Поэтому пули упорно шлепались на нее, а некоторые чуть-чуть перелетали. Вдруг на дороге открылась особенно ожесточенная стрельба. Мы думали — засада, но оказалось — это рвались разрывные пули...

Лежа среди смертей, среди тысячи смертей и не думая, совершенно не думая о смерти, мы молча ждали, пока все это кончится и можно будет двигаться дальше. Потом, кто к кому ближе, начали тихо, шопотом, — вернее, даже полшопотом, разговаривать. Моя соседка, маленькая, худенькая комсомолка Фиса, рассказывала о том, как она отомстила немецкому летчику, который напал на нее, а теперь жалеет, что этот негодяй так легко отделался...

Ей есть за что мстить этим извергам, есть за что их ненавидеть. Веселая и жизнерадостная в прошлом девушка, добрая и милая, она теперь стала совсем иной. Иной ее сделали немцы, и произошло это так. Месяца два назад санитарная машина с ранеными, которую сопровождала Фиса, была внезапным налетом захвачена немцами. Захвачена совсем ненадолго. Но что успели сделать эти изверги, пока беззащитные раненые и девушка-фельдшер находились в их руках!

Раненые были изрублены. Потом фельдшерницу повели на допрос к офицеру. Молодой бандит принял ее подчеркнуто галантно и начал разговор учтиво. Потом он вдруг встал и наотмашь изо всей силы ударил девушку кулаком в лицо. Потом начались истязания... Все, что Фиса помнит, она мне рассказала... Все, не скрывая ничего...

Фису спасли свои, выбив фашистов из села. Ее нашли полуголую в землянке, залитой водой. Когда Фису привезли в госпиталь, никто не узнавал ее...

Но вот пулемет, осылавший дорогу пулями, умолк. Алексей быстро поднимается. За ним мы. Бежим, ложимся, снова бежим. То и дело в небе вспыхивают осветительные ракеты, и тогда надо прятаться.

Добегаем до кустов у деревни М. И тут в кустах видим ужасную картину, которую никогда не забудешь, даже если проживешь тысячу лет: в кустах стоит машина, рядом с ней носилки, на них труп с отрубленной головой. В машине стонут и просят пристрелить троих наших раненых. Сверкнула осветительная ракета, и мы увидели: у раненых отрезаны уши и выколоты глаза.

Фашисты только что побывали здесь. Может быть, они где-то рядом. Слышно, как в деревне что-то орет немецкий часовой. Алексей призывает фельдшерницам оказать первую помощь раненым; остальным залечь под кусты, а мне идти с ним в боевую разведку.

Делаем не больше ста шагов и натыкаемся на четырех спящих фашистов-пулеметчиков. Их спаренный пулемет смотрит дауглавым тупым рылом на шоссе. Пулеметчики пьяны: от них

разит спиртом. Алексей изменяет своей обычной выдержке. Слишком много накопело на душе, чтобы сохранять спокойствие! И он, не подумав о последствиях, швыряет ручную гранату. Взрыв... Трое убиты на месте, четвертый сначала застонал, потом завопил о помощи. От деревни затрещал мотоцикл... Слышны крики: «Русс, сдавайся!». Алексей ругается и шепчет: «Сейчас, сволочи, сейчас...».

Я хочу ползти за ним, но он приказывает мне вернуться и выводить нашу группу, а сам остается прикрывать наш отход. Я знаю, на что обрекает себя наш славный командир и товарищ. Но приказ есть приказ...

Быстро нахожу своих. С дороги доносятся разрывы гранат, выстрелы. Потом все утихает. Мы осторожно отходим, унося изувеченных раненых.

На шум собираются еще наши люди — человек пятнадцать. Командование соединенным отрядом я принимаю на себя. Ползем через дорогу в лощину.

Лощина под сильным пулеметным и автоматным огнем. Решаем поискать «кукушку». Мы с Фисой отделяемся от группы и идем в разведку. «Кукушку» находим под машиной: фашист выкопал окоп и поливает оттуда всю лощину свинцом. Расправляемся с ним без лишнего шума. Одним мерзавцем стало меньше, да и по лощине теперь можно идти смелее.

Только отошли немного, опять натываемся на жуткую картину: около неглубокой воронки от мины — три мертвых женщины и двое мертвых детей. Две девочки... Я нагнулся над ними. Стало тяжело и больно. Ведь у меня у самого две вот таких же. Захотелось кричать, ругаться

и бить, зубами грызть мерзавцев, уничтожающих женщин и детей!

И вдруг слева от нас мы слышим громкое «ура». Мы вскакиваем во весь рост, забывая о том, что находимся в тылу у фашистов, и все вместе кричим: «Наши, ура!» Я кричу: «За мной!» и бросаюсь в реку. Быстро переправляемся на другой берег. «Ура!» Видим, группа немцев убегает от наших и несется прямо на нас. Их больше. Но ведь они воры, попавшиеся в чужом доме, а мы — хозяева! И мерзавцы получают за все. Правда, еще не полный расчет, но получают...

Слева появляются два танка. Ого, это уже настоящий бой! Но через несколько минут оба фашистских танка пылают, зажженные бутылками с горючим. Слева загорается деревня. Это значит, что фашистов выбили оттуда, — убегая, они, как правило, жгут все на своем пути.

Бежим, стреляем, кричим «ура». Мои девушки то и дело останавливаются, перевязывают раненых. Справа вдруг вырастает хорошо знакомая мне фигура: батальонный комиссар. Он выступал недавно у нас на партсобрании. Наконец-то свои! Теперь мы будем драться вместе.

Первое кольцо прорвано. Фашисты пытаются удержать нас на дороге, загоразивая нам путь танками. Но «ура» продолжает греметь, покрывая рев пулеметов, уханье орудий и минометов, визг пуль, крики раненых. Все смешалось...

Снова запылала деревня, — значит, и отсюда вышибли немцев. Через полчаса бой заканчивается. Фашистские танки отошли, за исключением тех, что догорают на поле. В деревне мы освобождаем из плена своих полумертвых товарищей.

Так сбывается наша мечта: мы соединились со своими! А через несколько дней мы под руководством раненого майора-орденоносца Зубкова окончательно вышли из окружения и соединились со своими главными силами. О майоре Зубкове, — будь я писатель, — можно было бы написать целую книгу. Это настоящий командир-большевик!..

А. БОРИСОВ,
военотехник 2-го ранга

Верная дочь советского народа Лиза Чайкина

В историю героической борьбы советского народа за свою честь, свободу, независимость рядом с именами бессмертного летчика Николая Гастелло, генерала-гвардейца Ивана Панфилова и его питомца политрука Диева, танкиста-гвардейца Лавриенко сегодня мы вписываем еще одно имя — девушки-комсомолки Лизы Чайкиной.

Лиза Чайкина

Лиза работала секретарем Пеновского райкома комсомола Калининской области. Молодежь любила своего вожака за беспредельную преданность партии Ленина—Сталина, за сердечную простоту, за твердость характера, за неукротимое стремление всегда и везде делом оправдать высокое звание члена ВЛКСМ. Воспитанная на лучших традициях Ленинско-Сталинского комсомола, Лиза Чайкина всегда была с молодежью, служила для нее примером и образцом.

Началась великая отечественная война советского народа против немецких захватчиков. С первого часа этой священной войны в первых рядах до последней секунды своей жизни, до самого последнего дыхания шла наша боевая подруга. Лизу видели на строительстве укреплений, на уборке хлеба, на собраниях всегда вместе с массами молодежи, всегда во главе масс. Ее руки не знали усталости, ее глаза не знали сна, ее сердце не знало покоя. В нем всегда горела благородная внутренняя тревога за дело своей партии, своего народа. Без борьбы за родину она считала свою жизнь бессмысленной и ненужной.

Пришел черный день, когда в район ворвались фашистские бандиты. Лизе предлагали уйти — будет трудно, опасно. Девушка наотрез отказалась. День и ночь работала верная патриотка в тылу немецко-фашистских войск. Вместе с ней героически действовали комсомольцы Николай Фокин, Шура Зуева, 15-летний Ваня Тихомиров. Безудержный террор, дикие расправы озверелых фашистов над жителями, угрозы и пытки гитлеровских палачей — ничто не могло остановить молодых советских патриотов.

Находясь в тылу, Лиза слышала о докладе товарища Сталина 6 ноября, а потом прочитала мужественные, полные горячей веры в свой народ, в победу над фашистскими захватчиками слова вождя. Доклад товарища Сталина вдохновил на борьбу, влил новые силы, укрепил веру в неизбежный разгром подлого, вероломного врага. Комсомолка считала своим долгом рассказать всему населению района о докладе товарища Сталина.

Лиза пошла по селам и деревням. Всюду она находила благодарных слушателей, полных нена-

висти к немецким оккупантам. Ее слова жгли сердца людей. Крепче сжимались кулаки, разгоралась лютая ненависть, и люди шли на врага, били его всюду, вредили ему на каждом шагу. Взрывались на дороге машины, бесследно исчезали фашистские солдаты, загорались дома, где расположились гитлеровские офицеры, нарушалась связь. Голос агитатора звал людей на борьбу, на истребление немецких оккупантов всех до единого.

Четырнадцать селений обошла Лиза, разнося слова сталинской правды, вселяя надежду в наших людей, словно набатным колоколом поднимая их на борьбу за родную отчизну. Фашистские банды гнались за ней по пятам, но безуспешно. Народ скрывал свою героиню от врага, он готов был на все ради спасения ее жизни. Наконец фашистским палачам удалось настичь беззащитную девушку на хуторе «Красное Pokатище». Жителей поселка Купоровых — старушку-мать, ее дочь Марусю, сына Васю — фашисты расстреляли на месте. Дом сожгли. Лизу отправили на станцию Пено. Гитлеровские звери пытали и мучили комсомолку, грозили ее убить, обещали даровать ей жизнь, лишь бы она сказала о своих товарищах, о партизанах. Напрасно — в лицо двуногих зверей смотрели глаза, полные ненависти и желания мстить.

— Смерть вам, проклятые! — говорил этот взгляд.

Не добившись ни одного слова от Лизы, фашисты повели ее на расстрел. Девушку поставили у водокачки. И в ответ врагам в зимнем воздухе прозвучал ее мужественный голос: «Да здравствует мой родной Сталин! Смерть фашистским палачам!».

Раздался выстрел. Лизу ранили. И снова она подняла руку, снова над родными полями разнесся ее страстный призыв к борьбе. Раздались выстрелы. Лиза упала на обгащенный кровью снег, поцеловала землю и в последние минуты своей жизни снова бросила в лицо врагу лозунг своего народа: «Смерть немецким оккупантам! Да здравствует Сталин! Да здравствует победа!».

Разъяренные палачи бросились к комсомолке. Они терзали пробитое пулями тело, в котором уже угасла жизнь. Ее любовь к родине была сильнее смерти. Даже мертвая она была грозой для фашистского зверья. Трусливые захватчики не дали жителям похоронить Лизу—они боялись взрыва ненависти, вооруженной схватки с народом. Но прах Лизы унесли партизаны. Они похоронили комсомолку-героиню с воинскими почестями.

Кончилась жизнь простой советской девушки, верной дочери своего народа. Не сгибая головы, не дрогнув, прошла она через все испытания и умерла с именем Сталина на устах, с беспредельной верой в силы своего народа, в разгром и уничтожение врага.

Товарищи Лизы Чайкиной дорого оплатили фашистским извергам за смерть любимого вожака. На другой день в разных местах запылали девять селений в Жуковском сельсовете, где остановились фашисты. Сотни немецких захватчиков были истреблены партизанами.

Слушай нас, молодежь всей страны! Обнажим головы, склоним боевые знамена перед прахом героини, сохраним навеки память о нашей замечательной подруге, о ее изумительном подвиге во имя родины. Лиза Чайкина бес-

смертна. Как не меркнет солнце, так никогда не померкнет слава верной дочери советского народа. Смерть ее зовет к мщению!

Пусть нашим ответом на подвиг советской девушки будут мощные, сокрушительные удары по врагу.

Истребим фашистских захватчиков всех до единого!.

Смерть немецким оккупантам!

Герой Советского Союза комсомолец-партизан Александр Чекалин

В золотую книгу истории великой отечественной войны сегодня вписано огненными буквами еще одно гордое имя. Рядом с народной героиней Лизой Чайкиной, рядом с восемью бессмертными мучениками Волоколамска, рядом с мужественной дочерью комсомола партизанкой Таней на пьедестал всенародной славы поднят шестнадцатилетний отважный партизан Александр Чекалин, которому посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

«Большевики—народ, который умеет бороться, не щадя своей жизни», — говорил незабвенный Киров. Эти слова все чаще приходят на ум в наши героические дни, когда презрение к смерти широко распространилось в массах и стало могучим двигателем победы. Презирая смерть, идя на любые жертвы во имя победы, защитники родины громят врага, вторгшегося на советскую землю. Презирая смерть, идя на любой риск, советские патриоты, оставшиеся в тылу врага, бьют фашистов, всеми силами помогая армиям, атакующим немцев с фронта.

Никакие зверства, никакие казни не в силах задуть могучее партизанское движение, которое с каждым днем становится все более и более грозным бичом фашизма. Победы Красной

Армии на фронте отдаются могучим эхом по ту сторону линии огня, будят и зовут к борьбе миллионы людей. И комсомольцы, славная советская молодежь, оставшаяся в тылу врага, все выше поднимает знамя борьбы против немецких оккупантов.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР Чекалин назван Александром Павловичем. Еще вчера он был для всех, кто его знал, Шурой Чекалиным, веселым и живым подростком, который жадно учился, достиг уже девяттого класса средней школы и мечтал о получении высшего образования. Но вот пришла война, она изменила весь уклад нашей жизни. И Шура Чекалин быстро возмужал и стал воином. Невольно вспоминаются проникновенные слова М. И. Калинина: «Вы видите, как быстро в наше время юноши превращаются в бойцов, мужей. В мирное время на это потребовались бы годы. Для тех комсомольцев, которые на фронте, юность уже отошла, они сделались бойцами».

Да, Чекалин сделался бойцом, и бойцом незаурядным, бойцом передовым, смелым и отважным. С первых же дней войны скромный школьник из города Лихвина Тульской области записался бойцом в истребительный батальон. Он с жадностью овладевал военными знаниями. Когда же линия фронта приблизилась к его родным местам, Александр Чекалин ушел в партизанский отряд, стал смелым и отважным разведчиком.

Воплотив в себе лучшие качества сталинской молодежи, партизан Чекалин решительно и дерзко громил врага.

Однажды, когда Чекалин доставал оружие у немцев, враги его схватили. Юному партизану

грозила верная смерть. Но этот смелый и ловкий юноша сумел бежать из-под ареста и вернуться в свой родной партизанский отряд.

В разгар жестоких битв с врагом Чекалин заболел. Партизаны предложили ему отправиться в родную деревню Черепецкого района Тульской области, где жила его бабушка, чтобы у нее отдохнуть и подлечиться. Чекалин наотрез отказался. Тогда руководители отряда дали ему боевое задание — произвести разведку в родной деревне, а заодно остановиться и побыть хоть несколько дней в тепле. Только тогда неукротимый комсомолец согласился отправиться в деревню.

Враги следили за юным, но смертельно опасным для них противником. И когда он пришел в свое родное село, избушку, в которой остановился Чекалин, окружил целый отряд фашистов. Они атаковали ее так, словно перед ними был целый вооруженный отряд, а не один шестнадцатилетний партизан. Чекалин, не дрогнув, принял неравный бой. Полный решимости дорого продать свою жизнь, юный партизан метнул в фашистов гранату.

Взрыва не последовало: граната отказала. Ликующие изверги схватили юного партизана. Они мучили и пытали его, но он с молчаливым презрением игнорировал все попытки палачей вырвать у него хотя бы слово о партизанах. Фашисты погнали юного героя к виселице. До последней минуты незабвенный Александр Чекалин держался, как настоящий герой. «Нас много, — всех не перевешаете!» — крикнул он в последнюю минуту фашистам и запел «Интернационал».

Удавная петля захлестнула горло юного борца, не дала ему допеть победную песню. Но победа осталась за ним, — дух, воля молодого воина оказались сильнее автоматов и пулеметов презренных врагов. И хотя сейчас Александра Чекалина с нами нет, имя его, дух его живы. Он навсегда останется в памяти народной. Он и после физической смерти своей будет жить в наших сердцах, пример его жизни будет звать нас к победе.

Так снова и снова подтверждается суровый закон наших дней: большевики сильнее смерти; герои не умирают, а живут в народе вечно; смерть на посту при защите родины — не гибель, а бессмертие.

Советских людей не согнешь, не осилишь. Их не поставишь на колени. Сама смерть отступает в бессилии и страхе перед ними. Фашистам удалось физически умертвить Лизу Чайкину, восемь юных героев Волоколамска, Александра Чекалина. Но этим самым они только умножили силы своих противников, наши силы.

И сегодня над свежей могилой юного героя Александра Чекалина комсомол, склоняя свои боевые знамена, с волнением и гневом клянется:

— Мы никогда не забудем тебя, дорогой наш Александр Чекалин. Память о тебе будет жить вечно. Имя твое будет всегда звать нас к победе. Ты был совсем юным. Ты не успел узнать все радости жизни. Ты не дождался счастливого дня победы. За все это мы сочтемся с фашистами. Мы поставим им в счет каждую каплю твоей чистой юношеской крови. Мы напомним им каждый стон, который они вырва-

ли из твоей груди. Сотнями своих черных жизней поплатятся фашисты за одну твою жизнь. Пусть же громче гремит наш гордый и гневный клич: «Смерть немецким оккупантам!». Смерть и только смерть будет уделом презренных гитлеровских палачей.

~~~~~

Мы не забудем тебя, Таня!

Было начало декабря 1941 года. Быстро прошел короткий день. И когда на лесную поляну спустились вечерние сумерки, из землянки, окутанная клубами пара, вышла молодая девушка.

Когда совсем стемнело, над тихими перелесками и заснеженными полями повисло звездное небо. По тропинкам и мало проезжим зимним дорогам путь девушки лежал в деревню Петрищево. Молодая партизанка шла в логово фашистского зверя. Вот уже больше месяца в селах и деревнях Верейского района хозяйничали немецкие оккупанты. Девушка знала, что враг жесток и беспощаден. Он разорил наши села и города, принес неисчислимые страдания русским людям. И с тех пор, как она стала партизанкой, целью ее жизни стало жестоко мстить и беспощадно истреблять фашистскую сволочь.

В Петрищеве расквартировалась немецкая воинская часть, отведенная в тыл для переформирования. Из многих домов фашисты выбрасывали мирных обитателей, не считаясь даже с детьми. В первые же дни своего появления в деревне немцы учинили повальный грабёж. Они забирали у колхозников продовольствие, одежду, ценные вещи. Партизанам было известно, что в Грибцове фашисты расстреляли двух мальчиков только за то, что те подобрали на дороге несколько утерянных патронов.

Партизаны жестоко мстили палачам. В тылу врага они свято следовали призыву великого Сталина. На дорогах взрывались вражеские автомашины. Горели склады с военным имуществом. Бесследно исчезали десятки гитлеровских молодчиков. Фашисты боялись советских партизан. И захватив кого-либо из партизан, фашисты придумывали для них самые утонченные пытки.

Девушка, пробиравшаяся в этот вечер в Петрищево, знала, что, если она попадется в лапы врага, пощады не будет. Она бесстрашно шла навстречу опасности, убежденная в правоте своего дела.

В ту морозную декабрьскую ночь были перерезаны телефонные провода. В Петрищеве сгорела конюшня с немецкими лошадьми. Всю ночь и весь следующий день гитлеровцы неистовствовали в деревне. Они шарили в домах, сараях, на гумнах, разыскивая партизан. Арестовали нескольких человек из местных жителей, подозревая их в связях с партизанами. Но, разумеется, никаких следов партизан они не нашли.

Вечером следующего дня немцам все же удалось захватить юную партизанку. Ее провели в штаб. Перед немецкими офицерами стояла красивая восемнадцатилетняя девушка в шапке-ушанке, в красноармейских ватных брюках и меховой куртке. Солдаты, схватившие партизанку, положили на стол заряженный револьвер и две бутылки с горючей жидкостью. Она не успела поджечь склад с воинским имуществом...

Хозяевам дома, где фашисты допрашивали партизанку, было приказано выйти в кухню.

— Ты подожгла конюшню в прошлую ночь? Все же, они слышали, как господа офицеры с тупым равнодушием избивали ее. Ее спросили:

Партизанка ответила твердым голосом:

— Да, я подожгла!

На все остальные вопросы она отвечала: «Нет», и «Не скажу».

В штабе с нее сняли одежду. В одной рубашке, босую, при сильном морозе фашисты вели ее через всю деревню. В десять часов вечера ее привели в дом колхозника Василия Александровича Кулика. Солдаты втолкнули в комнату раздетую, со связанными назад руками девушку. Тело девушки сплошь было покрыто кровоподтеками; на лице, на губах запеклась кровь. Ноги были обморожены.

В изнеможении она опустилась на табуретку и попросила воды. Один из фашистских солдат, немного говоривший по-русски, схватил керосиновую лампу и подскочил к ней:

— Пей керосин, пей керосин!

Уже не в силах дальше сопротивляться, девушка ответила бандиту презрительным взглядом.

Офицеры, истязавшие девушку на допросе, придумали новый вид пытки. По их распоряжению каждый час часовые выводили раздетую партизанку на двор и там держали ее на морозе в продолжение пятнадцати-двадцати минут.

Группа фашистов продолжала истязать ее и в квартире Кулика. Они жгли тело девушки спичками и наконец царапали тело... пиллой.

Под утро, когда фашисты улеглись спать и около партизанки остался один часовой, хозяйка дома, Прасковья Яковлевна Кулик, спросила девушку, откуда и кто она.

— Я из Москвы, а зовут меня Таня.

Больше она ничего не сказала.

Утром Таню снова допрашивали. Один из офицеров спросил у нее по-русски:

— Где Сталин?

Партизанка всем телом рванулась вперед, ее черные глаза засверкали.

— Сталин на посту! — громко ответила она.

Продолжения допроса хозяева квартиры не слышали, — их выгнали из дому. Видимо, офицеры настойчиво добивались от Тани сведений о партизанах. Но безрезультатно. Через несколько минут допрос был окончен, и ей разрешили одеться. С помощью хозяйки она надела чулки, брюки и кофточку.

А в это время посредине деревни фашистские палачи спешно воздвигали виселицу. Населению объявили: «Будем вешать партизанку. Всем приходиться на площадь».

Было около десяти часов утра. Виселицу оцепили сотней немецких солдат. Десяток конных фашистов гарцовал тут же с шашками наголо. Немецкие бандиты все еще боялись измученной пыткой, избитой, искалеченной девушки.

Под усиленным конвоем, в чулках, без валежек, со связанными руками Таня шла к месту казни. Она высоко держала гордую голову русской патриотки. Взгляд ее черных глаз был устремлен навстречу низким лучам декабрьского солнца. Спокойно и мужественно молодая девушка прощалась с жизнью.

Небрежным взглядом окинула она перекладину с веревкой и твердо поднялась на ящики, поставленные под петлей. Вокруг виселицы зауетился офицер с фотоаппаратом.

— Эй, товарищи! — родное и близкое для колхозников слово разнес над площадью молодой,

звонкий голос. Таня повернулась в сторону петрищевских крестьян.

— Чего смотрите невесело! Будьте смелее, боритесь, бейте немцев, жгите, травите!..

— Мне не страшно умирать, товарищи. Это — счастье умереть за свой народ...

Обращаясь к немцам, Татьяна воскликнула:

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен, все равно победа будет за нами! Вам отомстят за меня...

Колхозники плакали, слушая эту пламенную речь:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!..

Палач выбил из-под ног девушки, ящик и подтянул веревку. Дернулась веревка и оборвала могучий призыв пламенной патриотки.

Около месяца на деревенской площади висел труп партизанки. Фашистские негодяи строго наказали жителям не приближаться к виселице. Трупом замученной девушки-партизанки они хотели запугать советских людей, сломить их волю к борьбе с фашистскими разбойниками. Но достигли немцы совершенно обратного.

Никогда не сотрется в памяти жителей деревни Петрищево страшная по своей мерзости картина, разыгравшаяся на сельской площади под новый год. Ватага перепившихся фашистов решила поразвлечься. Они пришли к виселице, стянули с трупа партизанки одежду. Затем подлые изуверы кинжалами искромсали замерзшее тело.

И уже только после этого, замечая следы своего черного дела, немцы ночью зарыли труп

за деревней, около школы. Тогда же они спилили виселицу и убрали ее.

Так погибла верная дочь советского народа. Пока еще не установлена ее фамилия, но все, кто ее знал и видел в партизанском отряде и в деревне Петрищево, никогда не забудут смуглую девушку в красноармейской форме, девушку с горячим сердцем, которая страстно ненавидела заклятых врагов нашей родины—немецко-фашистских захватчиков.

Никогда не забудет ее и весь советский народ. Священная ненависть, жажда борьбы с врагом, которую носила в своем сердце партизанка Таня,—неотделимая частица чувств и переживаний всего народа.

Мужественный образ юной советской девушки, бесстрашно сражавшейся с немецкими извергами, девушки, которая встретила смерть с пламенными словами о родине на устах, будет героическим примером для всей нашей молодежи. Молодые патриоты, воспитанные нашей большевистской партией и Ленинско-Сталинским комсомолом, будут так же бесстрашны в беззаветной борьбе с германским фашизмом, как партизанка Таня.

С. ЛЮБИМОВ

Деревня Петрищево, Верейского района,
Московской области.

Наша „Таня“

Маленькая комната. На столе несколько книг, учебников, тетрадей, линейка, карандаши, ручка. Кажется, что заботливый ученик приготовил все, что необходимо захватить с собой зайдя в школу. На обложке тетради старательно написано:

Ученица 9-го класса «А».

201-ой школы.

Зоя Космодемьянская..

В пожелтевшей от времени записной книжке Зои мы нашли несколько записей, сделанных Зоей еще в

7-м классе: «Уважай себя, не переоценивай». «Не запирайся в свою скорлупу и не будь «однобокой». «Не кричи, что тебя не уважают, не ценят, а больше работай над собой и будет больше уверенности». «Упорство и мужество рождается в преодолении препятствий».

Да, девизом школьницы было упорство. Упорство у Зои проявлялось во всем. Она никогда не отчаивалась, ничего не оставляла недо-

Зоя Космодемьянская

деланным. Если было трудно, она обращалась за помощью к товарищам.

Упорство и мужество Зоя черпала из произведений своих любимых писателей. Она любила читать Шевченко, Чернышевского, Некрасова, Горького, Н. Островского. Биографии этих писателей она знала полно и всеобъемлюще. С увлечением изучала Зоя памятники народного эпоса. Особенно она увлекалась былинами. Недаром сочинение, написанное Зоей в 8-м классе — «Илья Муромец — богатырь земли русской», — считается в школе лучшим до сих пор.

Зоя много читала о жизни наших великих предков — Александре Невском, Дмитрии Донском, Козьме Минине, Дмитрии Пожарском, Александре Суворове, Михаиле Кутузове. Ей были известны и лед Чудского озера, на котором захлебнулись в собственной крови псы-рыцари, и снега, в которых морозил врагов Иван Сусанин, и альпийские обледенелые горы, которые штурмовал Суворов, и Бородинское сражение, которым руководил Кутузов.

Особенно привлекал Зою образ Кутузова. Она неоднократно выступала с докладами о Кутузове, выбранном «против воли царя и по воле народа» главнокомандующим. В тетрадях встречается много выписок из романа Л. Толстого «Война и мир», подробные записи о Бородинской битве. Немало выписано цитат и о партизанах Смоленщины. Подвиги грозных народных мстителей восхищали школьницу...

К тетрадям и учебникам, разложенным на столе, их хозяйка минувшей осенью не притрагивалась. Занятия в школе не начались. Дождливым утром Зоя вместе с другими ребятами уехала в деревню. Школьники Москвы помогали

колхозникам собрать богатый урожай картофеля и овощей.

В одной из открыток, присланных домой, Зоя сообщала своей маме о том, что школа воспитала в ней не только желание быть полезным человеком для родины, но и умение быть полезной на деле.

«Мы помогаем убирать урожай, — писала Зоя. — Норма выработки на один трудодень — 100 килограммов. Вот мы и стараемся выполнить норму. Второго октября я собрала 80 килограммов. Это мало. Обязательно буду собирать 100!

Дорогая мамуся! Как ты себя чувствуешь? Я все время о тебе думаю и беспокоюсь. Сильно скучаю, но уже скоро вернусь (как только уберем картофель). Привет Шуре и всем нашим знакомым».

В октябре школьники вернулись в Москву. Но никто из них тогда не взялся за учебники. Они жили в тяжелые, напряженные дни, когда над Москвой нависла серьезная опасность. Враг приближался к воротам столицы. Зоя прониклась твердой решимостью во что бы то ни стало добиться разрешения участвовать в обороне Москвы.

Весь тот тревожный день Зоя провела в хлопотах. Она побывала в городском комитете комсомола, успела встретиться со знакомым подполковником и только вечером возвратилась домой. Лицо девушки горело. Она была радостной и взволнованной.

Под большим секретом Зоя сообщила Любови Тимофеевне:

— Мамочка, иду на фронт! Буду с партизанами. Только ты об этом брату ни слова...

Решение восемнадцатилетней дочери сильно взволновало мать. Любовь Тимофеевна плакала,

пыталась отговорить дочь от тяжелого и опасного дела.

— Нет, мамочка,— серьезно ответила Зоя.— Ведь я комсомолка и должна быть впереди. Я знаю, что это трудно и опасно. Но я не могу сидеть дома...

Таким же был разговор и со знакомым подполковником. Сказать правду, подполковник пытался сделать так, чтобы юная патриотка подождала, или пошла в госпиталь медицинской сестрой. Но девушка и слышать об этом не хотела. Она твердо решила быть только партизанкой. Тогда подполковник в упор задал ей вопрос:

— А вы не боитесь?

— Нет,— коротко ответила Зоя.

Подполковник разговаривал с Зоей, как отец с дочерью. Он испытующе следил за выражением лица Зои. Но оно было спокойным, чистым, твердым.

— Ну, а если вас поймают немцы?

— Знаю,— будут издеваться,— спокойно ответила Зоя.— Будут мучить. Будет больно, но не беспокойтесь. Никому и никогда товарищей своих я не выдам!..

Первого ноября Зоя последний раз была в своей комнатке. Учебники и тетради она оставила на столе. «Еще пригодятся»,— сказала она брату Шуре. Собиралась Зоя очень быстро. Одевалась потеплее, надела шерстяную фуфайку, гетры, зимнее пальто, рукавички. Голову повязала зеленым шерстяным шарфом. Сверток, который приготовила на дорогу Любовь Тимофеевна, Зоя не взяла. «Автомобиля со мной, мама, не будет»,— шутя заметила дочь. Зоя вынула из па-

кета полотенце, мыло, зубную щетку, отрезала большой кусок хлеба. «Вот весь мой багаж»,— сказала она.

Перед уходом из дома Зоя крепко обняла мать, по-детски повисла на шее и, успокаивая Любовь Тимофеевну, чистым, твердым голосом сказала:

— Не плачь, мама. Гордись, что вырастила такую дочь. Я или вернусь героем, или умру героем...

Вскоре Любовь Тимофеевна получила от дочери первое письмо. На листочке бумаги размером со спичечный коробок Зоя писала:

«Дорогая мама! Я жива и здорова. Чувствую себя хорошо. Как ты там?

Твоя Зоя».

Через 15 дней было получено второе письмо. Оно было такое же маленькое.

В третьем письме Зоя сообщала домой, что наконец-то она получила настоящее дело: «Когда выполню его, приеду домой погостить».

Больше писем от Зои не получали.

Историю Зои-партизанки, принявшей в целях конспирации имя Тани, наши читатели в общих чертах уже знают. Мы сообщим здесь лишь некоторые новые детали, о которых рассказали ее соратники.

Партизанский отряд, в котором находилась Зоя, совершал налеты на фашистские гарнизоны. В тылу врага советские люди выполняли призыв товарища Сталина об уничтожении немецких оккупантов.

В один из декабрьских дней партизаны узнали, что в селе Петрищево расквартировалась немецкая воинская часть. Фрицы хотели отдох-

нуть. Партизаны решили показать фрицам, что такое отдых на русской земле.

Итти в звериное логово всем отрядом было рискованно. Командир решил послать туда только самых отважных и надежных бойцов. И первой среди храбрых была Зоя Космодемьянская. Отправляясь в опасный путь, она сказала оставшимся в лесу: «Хорошо отдохнут немцы в земле!»

В ту ночь над селом взметнулись три красных петуха. Огненные языки лизали дома, в которых безмятежно спали фашисты. Дома сгорели. Сгорели и конюшни, в которых находились 20 лошадей, сгорело много винтовок, автоматов.

Переполошившиеся фашисты всю ночь металась по селу. Они хватали всех, кто попадался под руку, каждого называя страшным для врага именем «партизан». Но того, кто поджег дома, фашисты не нашли.

Дня через два под вечер на окраине деревни появился человек с сумкой через плечо. Он пробирался к военному объекту. Около намеченной цели человек быстро достал из сумки бутылку с бензином. В тот момент, когда надо было чиркнуть спичку, человека схватили немецкие солдаты. Пойманного привели в штаб, расположенный в доме Седовой М. И. Только здесь фашисты разглядели, что это совсем юная девушка...

В первых числах декабря 1941 года в Петрищеве, близ города Вереи, немцы казнили восемнадцатилетнюю партизанку. Девушка приняла мученическую смерть, не выдав своих товарищей.

Всем нам, живущим, она оставила завещание: «Не проливайте слез. Стиснув зубы, будьте

стойкими. Идите на бой с заклятым врагом земли русской и помните: победа или смерть. Другого выбора у вас быть не может, как не было его и у меня».

Подвиг юной героини вызвал восхищение советского народа. На другой день после того, как был напечатан в газете материал о партизанке «Тане», в редакцию стали поступать письма, запросы. Рабочие, колхозники, бойцы и командиры Красной Армии, учащиеся спрашивали, кто такая партизанка «Таня», где она работала, кто воспитал эту замечательную девушку.

Сегодня мы с гордостью называем подлинное имя юной героини, и имена родителей, вырастивших такую дочь, и учителей, воспитавших героиню нашего времени. Отец Зои — Анатолий Петрович, советский служащий, умер в 1933 году. Мать — Любовь Тимофеевна — преподаватель. В классном дневнике Зои записаны фамилии, имена и отчества преподавателей 201-й школы, закаливших ее дух. Это Вера Сергеевна Новоселова, Николай Васильевич Васильев, Иван Алексеевич Язев, Ольга Павловна Авдюшина, Ефим Иванович Баранов, Иван Александрович Железнов, Вера Александровна Дьяконова, Елена Александровна Федорова, Николай Иванович Потемкин, Павел Павлович Рыскин.

Комсомольское спасибо им за то, что они вырастили, воспитали такую отважную дочь родины!

Зоя Космодемьянская — героиня советского народа. Народ никогда не забудет свою верную дочь.

В. ЧЕРНЫШЕВ

О восьми повешенных в Волоколамске

Когда гвардейцы-танкисты части тов. Катукова ворвались в Волоколамск, они увидели на виселице на городской площади трупы восьми советских патриотов, замученных фашистскими палачами.

Никто не знал имен этих людей, принявших смерть с высоко поднятой головой, без страха и

К. Ф. Пахомов

В. В. Ординарцев

И. А. Маленков

А. В. Луковина-Грибова

трепета. Бойцы Красной Армии сняли мучеников с виселицы и с воинскими почестями похоронили в городском саду, около памятника Ленину.

***

За последнее время путем опроса местных жителей, сличения уцелевших фотографий и некоторых документов удалось точно установить, кто были восемь повешенных в Волоколамске. Жертвами фашистских палачей явились московские комсомольцы. Вот их имена:

Константин Федорович Пахомов — конструктор завода «Серп и молот».

Николай Александрович Галочкин — конструктор завода «Серп и молот».

Павел Васильевич Кирьяков — крановщик завода «Серп и молот».

Виктор Васильевич Ординарцев — слесарь электрического завода «Серп и молот».

Николай Семенович Каган — техник завода «Серп и молот».

Иван Александрович Маленков — рабочий завода «Москабель».

Александра Васильевна Луковина-Грибова — студентка художественного училища имени Калинина.

Евгения Яковлевна Полтавская — студентка художественного училища имени Калинина.

Биографии этих патриотов обычны. Всех их

Е. Я. Полтавская.

П. В. Кирьяков.

вырастила родина-мать. Изю дня в день воспитывали они в себе качества советского человека, простого и мужественного в своем героизме, — презрение к смерти, храбрость и отвагу, беспредельную любовь к родине и преданность партии Ленина — Сталина.

Константин Пахомов пришел на завод в 1931 году и начал работать электромонтером. Упорный в достижении поставленной цели он окончил заводской техникум, стал конструктором. На заводе Константина знали многие — его можно было встретить у мартеновских печей, прокатных станков, он работал в заводском спортивном обществе «Металлург» в редколлегии заводской газеты «Мартеновка». Его видели в аудиториях заводского института — он продолжал учиться. Вся жизнь тов. Пахомова принадлежала заводу, коллективу.

Павел Кирьяков — один из инициаторов станхановского движения на заводе. Его завалочная машина не знала ни простоев, ни аварий. Павел принимал активное участие в работе комсомольской и профсоюзной организаций. Он всегда находил время для военной подготовки и завоевал славу отличного стрелка.

Шура Луковина-Грибова — энергичная и трудолюбивая комсомолка. Скромная и общительная, она относилась к любому комсомольскому заданию — будь оно самое малое — любовно и внимательно. Началась война, она проводила брата в Красную Армию, а сама пошла работать на фабрику.

— До войны можно было учиться, — говорила Шура подругам, — а сейчас этого мало: надо учиться и работать. Немцев прогоним — отдохнем.

В биографиях Виктора Ординарцева, Николая Галочкина, Ивана Маленкова, Николая Кагана, Жени Полтавской можно отыскать десятки черт, эпизодов, этапов, которые встретишь у любого молодого человека нашей родины.

Восемь комсомольцев до войны жили мирной жизнью — работали, учились. Началась война, и каждый из них в первый же день сказал себе: мое место в бою. Среди сотен тысяч заявлений с лаконической фразой «Прошу послать в Действующую армию» были и заявления Ординарцева, Маленкова, Полтавской, всех восьми.

Июльские дни прошлого года. Яростные попытки налетов врага на Москву. Во время одной из бомбежек по соседству с квартирой Пахомова враг сбросил фугасную бомбу. Запылал барак. Крепкий, плечистый человек первым бросился на помощь соседям. На нем загорелась одежда, ему обожгло руки, лицо, контузило, но он продолжал свое дело. Это был Пахомов.

Оборонительный рубеж под Смоленском. Изнурительный зной сменяется проливными дождями. Тысячи людей работают, не покладая рук. В одной из групп молодежи — хрупкая девушка. Мужским движением, широко расставив ноги, она ровно, без усталости выбрасывает лопату за лопатой тяжелого грунта. Это — Полтавская.

Просторная площадка с макетом танка посередине. На краю группа бойцов. Идет занятие группы истребителей танков. Среди обучающихся — Кирьяков.

Заседание комитета комсомола. На повестке: прием в члены ВЛКСМ.

— По моему это не вопрос — почему я иду в комсомол, — говорит юноша, одетый в спортивную майку. — Ведь фашистов все равно мне

придется бить, не сегодня, так завтра. А я хочу идти на фронт только комсомольцем.

Это — Ординарцев.

Октябрь — ноябрь 1941 года. Над Москвой нависла тяжелая угроза. И именно в этот момент восемь кровных братьев и сестер — русские, белорусская, еврей, рабочие, интеллигенты, учащиеся — взяли в руки оружие. Они пошли на врага: защищать свой завод, свою школу, свой дом, семью, родную Москву, страну, которая вырастила и взлелеяла молодое сталинское племя.

Четвертого ноября прошлого года отряд направился к линии фронта, решив перейти ее в районе деревни Ченцы. Все одеты по-походному, с котомками за плечами, вооружены пистолетами, винтовками, гранатами.

— Веселые были товарищи, дружные, — вспоминает их попутчик командир тов. Клейменов. — Всю дорогу шутили. Я на них удивлялся: идут в первый раз на врага и об опасности — ни одного слова. Больше всего разговаривали, как встретят октябрьский праздник.

Перейдя линию фронта, отряд решил пробиться к логову врага — штабу фашистских войск. У Волоколамска пробирались кладбищем и натолкнулись на немецкую засаду. Фашистских автоматчиков было в десятки раз больше, но группа решила принять бой.

Завязалась ожесточенная перестрелка. Перебегая от укрытия к укрытию, Кирьяков меткими выстрелами снимает вражеских автоматчиков. Один из бойцов вооружен пистолетом, оружием ближнего боя. Он смело пробирается вперед и открывает огонь по врагу.

Иссякают патроны, ранили двух комсомольцев. Тесней сжимается вражеское кольцо. Слышен гул автомобильного мотора. Это идет подкрепление к фашистским автоматчикам, не сумевшим сломить сопротивление горстки храбрых.

Занималось утро. Все ближе враги. Раненые, собирая все силы, передвигаются от укрытия к укрытию, продолжая вести бой. Но силы далеко не равны. Перевес на стороне врага. Автоматчики замкнули кольцо — отряд был схвачен и обезоружен.

Пленных повели в Волоколамск, в дом гражданки Полины Даниловны Зиминной. Хозяйку выгнали на улицу. Двенадцатилетняя дочь Лина забралась на печку. Приехал фашистский генерал. Шесть комсомольцев стояли возле дома на расстоянии, не позволявшем им переговариваться. Раненые, обессиленные от потери крови, лежали на земле. Вокруг — несколько десятков немецких автоматчиков.

Первым ввели на допрос Пахомова.

— Офицеры стояли, — рассказывает Лина, — а переводчик сидел и записывал. Когда Пахов вошел, ему сказали: сядьте. Он сел. Его спросили: фамилия? Он не сказал. Спросили: сколько лет? Он сказал: 24 года. Потом спросили: откуда? Он сказал: из Москвы. Потом все допытывались: знает ли он остальных товарищей? Он сказал: нет. А потом Пахов ничего не стал отвечать. Он был перед ними гордый и разговаривал резко. Когда офицеры замучились его допрашивать, то они сказали: так вы ничего и не скажете? Он сказал: нет! Тогда его увели.

Вслед за Паховым ввели девушку.

— Она была очень смелая, — говорит Лина. — Ее спрашивают: вы кто? Она говорит: студентка. Как вас зовут? — Клава. Потом она попросила попить, ей дали. Она попила и снова села. Тогда генерал начал расспрашивать про товарищей, про Красную Армию, про пушки, а она говорит: я ничего не знаю, и вы меня не спрашивайте. Генерал разозлился, сказал что-то солдатам и ее увели.

Ввели вторую девушку. Видимо, фашистские палачи рассчитывали, что девушки скорее заговорят, смалодушничают. Их надежды не оправдались. Лина рассказывает:

— Ее генерал спросил: у вас, наверное, мать есть? Есть, — ответила девушка.

— Вам ее не жалко? Она говорит: вы лучше себя пожалейте.

Офицер спросил ее: разве вы не боитесь смерти? Конечно, умирать не хочется, — сказала она. — Хотелось пожить, но если надо умирать за родину — умру.

Закончился допрос, из которого немцы ничего не узнали. После допроса, примерно в три часа дня, пленных повели по Солдатской улице на Солдатскую площадь. Герои шли в свой последний путь. Раненые отказались от помощи товарищей. Девушки шли, тесно обнявшись. Комсомольцы жали друг другу руки, обнимались и целовались. У них не вырвался вздох сожаления, слово о пощаде.

Отряд знал: за ними Москва, страна, многомиллионный народ-боец. Не смерть, а счастье и свободу родины, жизнь своего народа видели они сквозь муки и тяжести войны.

Пленных построили в ряд, сзади них, на расстоянии 10—15 шагов, стояли немецкие автоматчики. Офицер взмахнул рукой.

Семь человек упали. Восьмой обернулся к женщинам, детям, согнанным фашистскими убийцами на это кровавое зрелище:

— Не страдайте за нас, родные, бейте фашистов, жгите их проклятых! Не бойтесь, надейтесь — Красная Армия еще придет!

И вслед за этими словами несколько комсомольцев приподнялись из последних сил на колени, подняли руки, и над группой безмолвных женщин и детей, над родными полями и лесами Подмоскovie разнесся предсмертный клич героев:

— Да здравствует наша родина!

— Да здравствует Красная Армия!

— Смерть немецким палачам!

— Да здравствует товарищ Сталин!

Снова загрели выстрелы. Немецкие автоматчики подбежали к комсомольцам и начали расстреливать их в упор. После расстрела комсомольцев потащили к виселице.

***

Сколько великих, мужественных героев вырастила наша родина, большевистская партия, товарищ Сталин!

В дни суровых, тяжелых испытаний все лучшие качества советского человека развернулись со всей силой. Беззаветно любить свою родину, отдать все свои силы, если надо, и жизнь за свой народ — к этому зовут подвиги восьми бесстрашных.

Погибли восемь — на их место пришли тысячи.

Под Волоколамском ни днем, ни ночью не давал покоя врагу партизанский отряд учителя Тагунова. Три сотни фашистов нашли себе могилу от руки партизан. На заводе «Серп и молот», воспитавшем героев отечественной войны, десятки новых юношей и девушек вступили в ряды комсомола. Из далеких тыловых областей в ряды бойцов Красной Армии вливаются новые комсомольские отряды: лыжники, десантники, истребители танков. Вся страна — единый военный лагерь. Весь комсомол — единый боевой отряд.

Расправил свои могучие плечи народ-богатырь, и вот уже покатались на запад под ударами частей Красной Армии фашистские захватчики. Уже давно стал снова советским Волоколамск. Крепнет сила народа, крепнет нажим на врага — он отходит, огрызаясь, на запад, битый, обмороженный, чующий свою черную смерть.

Услышь клич восьми патриотов, вся советская молодежь! Их героическая смерть зовет к непримиримой борьбе, к бесстрашию, к разгрому гитлеровских полчищ. Крепче удар по врагу! Все для фронта, все для победы! Пусть знает фашистское отребье, что пробил для него последний час! Месть беспощадная, всенародная — вот наш ответ гитлеровским убийцам-палачам.

Бессмертная слава погибшим!

Смерть немецким оккупантам!

Н. МИХАЙЛОВ,
секретарь ЦК ВЛКСМ

Подвиг девушки

Под могучими ударами Красной Армии немецкие войска поспешно оставляли Елец. В бесильной злобе фашисты поджигали дома, стреляли в мирных жителей, пакостили чем могли.

Пренебрегая опасностью, Мария вышла на улицу: мимо дома проносились танки, орудия, автомашины. «Скоро, — подумала девушка, — скоро наши придут». От одной этой мысли Марии стало радостно. Но пока приходилось только молча созерцать события. В городе еще были немцы. «Ишь, храбрые, — со злорадством подумала Мария. — Удираете так, что за вами и не погнаться».

Подходя к перекрестку, Мария увидела возле панели новенький немецкий мотоцикл. На нем был установлен пулемет. Видно, фашистский мотоциклист так спешил, что забыл даже о своей машине.

Девушка оглянулась: в переулке никого нет. Она подошла к машине. Вспомнила свою специальность шофера. Мотор в порядке — хоть сейчас садись и поезжай. А как автомат? Мария снова оглядывается — нет ли кого, затем склоняется над пулеметом. Она улыбается: не думала, когда изучала пулемет в осоавиахимовском кружке, что придется встретиться с ним в этой обстановке. С пулеметом тоже все в порядке, даже патроны все здесь.

Мария поудобнее усаживается на мотоцикле, поворачивает замок, отталкивается ногами, включает газ, секунды — и вот она уже едет по переулку, выезжает на соседнюю улицу.

Она знает, куда ехать: туда, где проходят немецкие войска. Она едет смело. Ни один мускул не дрогнет на ее лице. Руки твердо держат руль машины.

Вдалеке слышен грохот. Это уходят фашисты. Где-то раздается выстрел, кто-то кричит. Справа от Марии обуглившиеся остатки зданий, а немного дальше толпа возле горящего дома.

Это уходят фашисты.

— Отомстим! — кричит Мария, но голос ее тонет в грохоте мотора. — Отомстим! — кричит девушка и на всем ходу выезжает на нужную ей улицу. Вот те, за кем она охотится: немцы. Вот они, посягнувшие на молодость Марии, на жизнь ее народа.

— Получайте! — кричит Мария, и пулеметная очередь врывается в уличный гул. Мария училась стрелять не напрасно. Вслед за выстрелами раздаются вопли, ругань, крики. Но — дальше, дальше. Вот еще группа фашистов. Мария берется за пулемет и несколько возгласов опять вторят выстрелам. Пули нашли свою цель. Но к этому времени в первой группе уже опомнились. Раздаются ответные выстрелы. Мария слышит свист пуль: вот они, почти рядом. Уложить бы еще десятка два этих собак...

Она проносится дальше, настигает еще одну группу, стреляет. Все удачно. Но что это? Как ослабела правая рука. Руль начинает пошаливать. Мария не в силах его удержать. Она смотрит на руку и замечает кровь. Ранение. Машина сбавляет ход. В это время к Марии подскаки-

вают два фашиста: две бандитские рожи, две пары налитых кровью глаз.

— Ну, теперь не сдобровать, — проносится мысль. Ее волокут в какой-то дом. С ней разговаривает офицер. Ее, конечно, расстреляют, но офицеру интересно знать, что заставило эту молодую девушку пойти на такой шаг? Ведь ей не более 18 лет, она бы еще могла жить...

Мария молчит. Она не будет отвечать.

— Ага, понятно, это у вас называется «идейная». ...Может быть, ты комсомолка, коммунистка? — слегка картавя, говорит офицер.

Мария молчит. Она молчит даже тогда, когда офицер поднимает револьвер. Комсомолка смотрит прямо. Ей совсем не страшно. Ей только жаль, что она уже не встретит свою децятнадцатую весну, и что она убила мало немцев. Но почему он медлит? Хоть бы стрелял скорее.

Офицер прищуривается. Раздается выстрел. Но что это? Хватаясь за грудь, офицер падает на пол, а Мария—Мария остается жива! Она не верит в чудеса, она еще не понимает в чем дело. Громкий голос ее выводит из оцепенения:

— Что, испугалась? Ничего, теперь уже все в порядке. — Мария оборачивается и изумленно раскрывает глаза: в дверях стоит красноармеец. Он улыбается: — Ну, давай знакомиться...

...Мария идет впереди группы советских бойцов-разведчиков по своему родному городу, из которого только что выбили немцев. Рядом с Марией идет ее новый друг, спасший ей жизнь.

Разведчики продвигаются дальше вперед по родной земле.

М. КОПИЛЕНКО

Комсомолка Володя Рыбинский

Вы знаете Володьку? Володьку Рыбинского — белошвейку, которая стала разведчиком? Не знаете? Впрочем, это и неудивительно. Поди узнай, что этот шустрый круглолицый паренек с вздернутым носом и веселыми карими глазами — девушка. Это до войны была она Валея, носила платье, берет и другую фамилию. Теперь не то. Послушайте рассказ о 19-летней советской девушке, которая пришла на фронт, сменив иглу белошвейки на автомат бойца...

Тайком от родных ушла она из своего города. Без раздумья и сожаления оставила все, к чему привыкла с детства, что было безгранично близко. Там, на западе, решалась судьба ее родины, и она ушла на фронт пешком, в чем была: в спортивных тапочках и легоньком пальто.

С первых дней войны училась Валя на курсах дружинниц. Закончила их. Подруги уехали, а она все ждала своей очереди. И можно ли винить девушку в том, что у нее нехватило терпения ждать, сидеть в Рыбинске?

Много дней брела она пешком по осенним дорогам (на билет, чтобы ехать поездом, не было денег). В 19 лет все кажется проще, яснее. Разбились тапочки — велика беда! — девушка бросила их в канаву и босая пошла дальше.

На фронте бывает много различных встреч. Встретилась и Валя с незнакомым, но внима-

тельным, отзывчивым командиром. Он убеждал ее возвратиться обратно,—не девичье, мол, дело война,—а потом, махнув рукой, просто сказал:

— Ну, вас не переспоришь, — полезайте в машину!

В части старший начальник увидел девушку и приказал отправить ее в тыл, в госпиталь—не место ей здесь, на передовых позициях! А через день она снова вернулась к разведчикам. Командир подбирал себе упорных, смелых людей. Ему понравилась настойчивость девушки.

— Ладно, оставайтесь. Посмотрим, что будет...

Но где это видно, чтобы боец-разведчик был девушкой? Новые друзья в шутку прозвали ее Володькой, а фамилию дали по городу, откуда она пришла, — Рыбинский. Так комсомолка Владимир Рыбинский стала бойцом разведывательной роты.

С тех пор не раз ходила она в разведку, выполняя ответственные задания. А недавно, обнаружив в селе фашистов, разведчики решили лихим налетом разгромить немцев. Болотами и лесом прошли они в тыл врага. Встретились с партизанами, разделились на три группы, окружили село. Здесь была и Володька. Девушка бесшумно ползла по снегу к сараю, маячащему в темноте ночи. Вдруг совсем рядом, как швейная машина, застрочил пулемет.

— Хальт!—сквозь треск выстрелов донесся окрик часового.

В дверях появилась неясная фигура немца. Девушка подняла револьвер. Впервые она видела так близко врага, впервые стреляла в упор, и, казалось, всю пылкую ярость, всю ненависть свою посылала она вместе с пулями в лицо фа-

шисту. Немец упал, а девушка все била и била, пока не кончились в магазине патроны.

Кругом шел ночной бой. Разведчики и партизаны ворвались в деревню. Вдоль улиц стреляли пулеметы, в окна летели гранаты, стонали немцы. Бойцы ушли из деревни так же внезапно, как и появились. В эту ночь, как рассказал позже пленный, немцы потеряли 12 убитых и 40 раненых.

Больше суток пробыли разведчики в тылу фашистов. Голодные, усталые, перебрались они через линию фронта. Путь был еще долог. Снова шли по глухим тропам. Девушка несла винтовку раненого товарища. Ноги не слушались, точно налитые свинцом. И тогда, встряхнув головой, желая сбросить усталость, она сказала товарищам:

— Споем, ребята!

И звонким, серебристым голосом запела о родине, о потревоженном счастье, о великой борьбе, на которую поднялся весь народ — и суровые воины, и старики, и женщины, и дети.

Юр. КОРОЛЬКОВ

Северо-Западный фронт.

К л я т в а

Посвящается незабвенной памяти комсомольца Сосновского, погибшего во имя родины смертью героя в боях на Малоярославском направлении.

Я больше не увижу тебя, мой друг Игнась Коротков. Я больше никогда не увижу тебя. Только в сердце, глубоко-глубоко, я буду хранить твой образ, и память о тебе буду хранить как самое дорогое в жизни, до последнего своего дыхания.

Вот я сейчас лежу в землянке, в перерыве между двумя боями, и вспоминаю тебя. Твои голубые, подернутые дымкой юношеской грусти глаза всегда напоминали мне голубое небо над полями родного Полесья. А еще их хотелось бы сравнить с красивым цветком — незабудкой, что покрывал собой левобережные луга тихой Припяти. Помнишь ты эти луга? На востоке чуть намечается серый рассвет, где-то далеко, далеко слышится вой волка, трава покрыта крупной холодной росой, а над долинами, дыша холодом летнего утра, плавает туман. На покос ты всегда выходил первым, и за тобой едва поспевали опытные колхозные косари. Сухо и зло свистели наши косы, плавно качались из стороны в сторону косари и за каждым взмахом косы ложилась в ряд сочная луговая трава. Летний день — длинный, много раз приходилось нам острить

менташкой наши косы, на блестящих лезвиях которых ярко играло солнце. День клонился к вечеру, и наши тела постепенно наливались усталостью, такой приятной трудовой истомой. Вместе с солнцем уходили с работы и мы, колхозные косари, веселой шумной гурьбой.

А еще вспоминаются мне вечера, когда выходили мы с тобой к присадам, где у качелей по воскресеньям собиралась наша веселая колхозная молодежь. Игнась, я никогда не забуду твоих песен в эти майские вечера. Недалеко от нас возвышался высокий бугор — то была могила братьев партизан Рымарей, растерзанных белогвардейцами в 20 году. Девушки нашего села каждый год украшали могилу цветами. Ты запевал песню, и в ней звучала слава нашей великой родине, слава тем героям, которые, не щадя жизни, дрались и погибли за счастье будущих поколений, за нашу с тобой счастливую жизнь, Игнась. Мы уже кончали песню, а далекое лесное эхо еще продолжало ее, и твой высокий голос долго звучал звонче всех голосов.

Игнась, я лежу в землянке, прижимая к груди ложе винтовки, и вспоминаю тебя, моего дорогого друга. Помнишь, мы уходили с тобой из села совсем юными. Под веселые переливы гармоники мы пели песни, и колокольчики на дуге звонко вторили нам. Только ты немного грустил, оглядываясь на родное село, да еще на девушку Олесю, что, стоя на высоком бугре у присад, махала тебе платочком. Но вот пришел час, грозный, великий час, когда нам с тобой выпала честь защищать родину от нашествия зверей в серых потрепанных мундирах, и мы из юношей сразу превратились в суровых мужей.

Друг, у тебя в груди билось большое, горячее сердце комсомольца, и в нем умещалась такая же огромная ненависть к врагу, как велика была твоя любовь к родине,—к солнцу, к Москве, к зеленым лесам и полям белорусского Полесья, к тихой Припяти, окаймленной ивами и лозой, к своему колхозному селу, к матери, к девушке Олесе, у которой волосы белые, как лен.

...Если встречу я когда-нибудь Олесю, я так расскажу ей о твоей смерти. Мы шли в атаку на врага. Это было под Москвой, у порога Москвы, дорогой нам, как дорога юность, жизнь, мечта о первой любви. Ледяной сивер дул нам в лица, и враг обдавал нас ливнем огня, но мы все же шли вперед, в атаку. Внезапно враг открыл шквальный фланговый огонь из ДЗОТ'а, и уже нельзя было идти вперед, нельзя было наступать. На мгновение ряды наши остановились, припали к земле. Враг уже хотел торжествовать победу, но торжествовать было еще рано. Из рядов вырвался вперед Игнась и, плотно прижавшись к земле, пополз к амбразуре вражеского ДЗОТ'а. Он полз, а мы лежали, дрожа от нетерпения схватиться с врагом. И вот Игнась схватил ствол пулемета, силой прижал его к земле. Пулемет врага дал еще одну очередь, пронзил грудь комсомольца и замолк: тело Игнася заслонило собой амбразуру, и враги не могли продолжать огонь. Тогда все мы, все как один, глотая слезы боли, задыхаясь от гнева, вихрем бросились в атаку — за Москву! За Родину! За Сталина!—и смяли, уничтожили врага. Так боец Игнась Коротков мертвым победил врага.

Друг, прости, что рассказ мой будет так короток, но Олеся сама поймет, что вдохновляло

тебя на бессмертный подвиг. Этот подвиг никогда не будет забыт народом. Пройдет время—и на том высоком бугре, у присад, где когда-то после трудового дня отдыхали мы с тобой, девушки будут петь песни о тебе, простом колхозном парне, легендарном красном воине. Смертью своей ты обессмертил себя навеки!

Игнась, это ничего, что после боя, где я потерял тебя, изморозью седины покрылась моя голова. Сердце в груди моей бьется попрежнему крепко, как и подобает в двадцать три года. Только всего меня еще больше, до краев наполнила лютая ненависть к врагу, посягнувшему на нашу Родину, на нашу счастливую жизнь, которую в жестоких боях завоевали нам наши отцы и братья.

И клянусь тебе, Игнась: как ни дорога мне жизнь, я не пощажу ее во имя победы над врагом. Я жду, я жажду боя. Я не раз, бросаясь в штыки, глядел в лицо врагам, в лицо смерти. У этих зверей в глазах всегда стоит свинцовая муť — они напиваются, чтобы спиртом заглушить страх, распирающий грудь. Они жестоки потому, что они трусы. Я в бою буду бесстрашен и жесток, сражаясь за честь и свободу своей великой родины, мстя за твою смерть, за поруганную честь наших матерей и невест. Священная месть до тех пор будет клокотать в моем сердце, пока последний из оккупантов не найдет себе могилы на нашей большой земле, и над нашей родиной снова встанет яркое солнце счастливой жизни. Клянусь!..

...Чу! Вдали слышен первый орудийный залп. Это сигнал к бою. Я иду в бой.

В. КРАВЧЕНКО.

г. Саратов.

Советский человек

Один за другим собирались радисты в тесном блиндаже. Снимали рации, грели озябшие руки у горящего очага. Боевой приказ был выполнен. Теперь можно было отдохнуть, вспомнить пережитое. Ярче горели глаза, голоса звучали громче, чем обычно. И чаще всех звучало здесь одно имя — имя комсомольца Михайлова.

Комсомолец Михайлов спас около ста жизней и, кажется, сам погиб...

Наши бойцы находились на западном берегу озера В. С ними и был радист Михайлов: Враг наседали. Радиостанция артиллеристов, пробитая пулей, отказала. Связаться с батареей артиллеристы-наблюдатели не могли, а фашисты шли в атаку. Положение стало критическим. В этот момент комсомолец Михайлов и принял на себя корректирование артиллерийского огня.

Три раза немцы бросались в атаку. Три раза под огнем нашей мощной артиллерии они откатывались. И в самые жаркие моменты боя у микрофона звучал ровный и бодрый голос радиста Михайлова:

— Огонек по сараю! Там фашистский пулемет.

— Есть, родной!

И мощный шквал огня обрушивался на сарай.

— Огонек 200 метров ближе, там скопление немцев!

— Есть по скоплению!

— Тридцать метров вправо по миномету!

— Даем по миномету!..

Бой разгорался все жарче. Наши командиры были ранены. И тогда комсомолец радист Михайлов начал подавать команду пехоте.

Мы слышали по радио, как он, стоя у микрофона, командовал в интервалах между сообщениями на батарею:

— Ура! В штыки, на врага!..

И снова откатывались фашисты.

Груды трупов оставили они на поле боя. Но слишком велико было неравенство сил. Удерживать позицию перед лицом явного превосходства немцев не удавалось. Нашим бойцам было приказано организованно отойти на восточный берег озера. Последним отходил радист Михайлов. Лодок уже не было. Лед на озере еще не окреп...

Передавали, что радист Михайлов вместе с радиостанцией погиб.

Тускло горел огонек в очаге, освещая бревенчатые стены блиндажа. Мы с грустью думали о судьбе нашего товарища, нашего героя. А между тем в этот самый час на хрупком льду озера происходили драматические события.

Раннее ноябрьское утро.

Яркое, необычайно яркое солнце.

Под ногами гнется хрупкий лед. По льду медленно идет человек.

Он один. Его товарищи далеко впереди. Человек несет тяжелую ношу. С ним радиостанция, винтовка, противогаз, плащ-палатка. Если

бы кто-нибудь из нас был поблизости, он сразу узнал бы эту родную и близкую каждому фигуру: Михайлов!

Лед трещит все сильнее. Все глубже прогибается он под ногами. Вода доходит уже до колен. Трудно идти по такому льду с тяжелой поклажей. Но как можно бросить казенное имущество? Все выше поднимается вода.

Неужели придется погибнуть? Три раза в своей жизни он тонул. Два раза в Белом море, один раз в Ладожском озере. Всегда выплывал. Неужели же теперь ленинградец комсомолец Михайлов утонет в этой луже на радость фашистам?

Он снимает с себя винтовку и осторожно кладет на лед. Снимает радиостанцию с себя и кладет рядом. Ползет. Вода все выше. Отполз немного, нащупывая более прочный лед. Подтащил радиостанцию к себе, потом подтащил винтовку. Опять пополз. Опять подтащил радиостанцию и винтовку.

Путь бесконечно долг. Руки и ноги ноют в ледяной воде. Сил уже нет. Но в голове одна мысль: его жизнь нужна родине, он не смеет погибнуть в этой луже. И он из последних сил тянется вперед. Еще один шаг. Еще шаг. Еще один...

Его нашли около берега бойцы соседнего подразделения.

Он лежал на льду.

Рядом с ним были радиостанция и винтовка. Вечером он вернулся к нам в блиндаж.

Зам. политрука МАКАРОВ.

Девушка в шинели

Одетая в серую походную шинель, туго затянутая в талии ремнем, обутая в тяжелые яловочные сапоги, она похожа на заправского военного. Светлые большие глаза смотрят строго и решительно. Открытое и прямое обветренное лицо дышит внутренним спокойствием.

Фронтная жизнь многое изменила в характере и внешнем облике медицинской сестры Елены Жаворонковой. Многочисленные пациенты ее сельского врачебного участка в Полесье, где она работала акушеркой, с трудом бы узнали в этом военном человеке свою комсомолку Лену. Разве только выдали бы ее русые непокорные волосы, выбивающиеся из-под пилотки, да почти никогда не сходящая с лица брызжащая молодостью улыбка.

Боевое крещение Жаворонкова получила на одном из участков Западного фронта. Шли первые дни боев. Группе медицинских работников было поручено эвакуировать из прифронтовой полосы госпиталь. Лена работала не покладая рук. Враг ночью стал бомбить госпиталь. Под градом свистящих осколков Жаворонкова бесстрашно перевязывала раненых, укладывала их с помощью подруг в машины.

В разгар боя во тьме Лена увидела лейтенанта с маленькой девочкой на руках. Ребенок был полураздет. Глаза его странно блуждали. На изорванной рубашке багровели пятна запек-

шейся крови. Сдерживая рыдания, лейтенант рассказал страшную быль. Проходя со своей частью через родную деревню, он зашел навестить свою семью. Но вместо дома он увидел руины. Фугасная бомба до основания разворотила избу, похоронив под обломками ее обитателей. Среди развалин лейтенант нашел убитыми жену и сына и обезумевшую от страха малолетнюю дочь. Врачи и сестры прекратили на мгновение работу, — так потряс их рассказ лейтенанта.

Лейтенант подал сестре ничего не понимающего ребенка и срывающимся голосом произнес:

— Клянусь тебе, дочь моя, я отомщу проклятым извергам за твою мать, брата и всех убитых женщин и детей!

Слова лейтенанта прозвучали грозной клятвой и для Лены Жаворонковой. Превозмогая подступавшие к горлу спазмы, проглатывая слезы, она дала обет: честно и самоотверженно работать на фронте. Сердце ее накалилось жгучей ненавистью к фашистским людоедам.

С тех пор прошло много времени. Но воспоминания той страшной ночи не стерлись. Они живы. Они заставляют чаще биться сердце, крепче сжиматься руки, они положили на лицо двадцатитрехлетней девушки еле заметные морщинки. Медицинская сестра Жаворонкова твердо выполняет свою клятву.

Дни на фронте идут грозные и напряженные. Вместе с ними к сельской акушерке пришли опыт и сноровка, решительность и умение действовать в любой обстановке. Боевые дела медсестры Лены Жаворонковой стали широко известны.

О простой девушке в серой шинели с любовью говорят на фронте и в тылу. Ее подвиг служит примером для тысяч медицинских работников Действующей армии. О ней взволнованно говорила в своем выступлении на женском антифашистском митинге в Москве прибывшая с фронта медсестра тов. Соколовская.

Чем же отличилась Лена Жаворонкова?

В районе города Ярцево немцы высадили десант. Под прикрытием ночи фашистские мерзавцы приблизились к полотну железной дороги и начали обстреливать его из минометов. Движение по железной дороге было прервано. Санитарный поезд с несколькими сотнями раненых, в котором ехала медсестра Жаворонкова, оказался отрезанным.

Немцы были совсем близко. Они заняли придорожный лес. В полночь, когда стрельба несколько утихла, большая часть раненых покинула эшелон и направилась в незанятые фашистами деревни. Вместе с ними ушла основная часть обслуживающего персонала эшелона. Лена осталась с шестью санитарями обслуживать 130 тяжело раненых. Их нужно было обеспечить медицинской помощью и вывести из вражеского окружения.

Длинный состав безжизненной громадой стоял на пути. Но в зеленых вагонах теплилась жизнь. Лена Жаворонкова непрерывно ходила по составу, делала перевязки, ободряла раненых ласковым словом, кормила, подавала воду. Фашисты могли в любую минуту напасть на эшелон. Находчивая сестра организовала охрану поезда. Не смыкая глаз, целые ночи дежурила сама.

Через три дня в эшелоне не осталось ни куска хлеба. Жаворонкова разыскала в соседнем эшелоне оставшийся вагон с мукой. На помощь ей пришли колхозницы из ближней деревни. Они пробрались к вагонам через лес ползком, принесли раненым бойцам молоко и ягоды и с радостью приняли предложение испечь хлеба и пирогов. Насыпав в наволочки муки, они незаметно ушли, а рано утром принесли свежий белый хлеб и румяные пироги.

— Теперь я прошу сварить нам суп, — сказала Жаворонкова колхозницам. Те охотно согласились.

Вечером к эшелону неслышно под'ехала крестьянская подвода. Возчик, бородатый крепкий старик, двинулся вдоль вагонов и спрашивал у встречных:

— Где бы увидеть девушку, что в шинели?

С посланцем колхоза Жаворонкова встретила, как с желанным гостем. Бородач навалил на телегу несколько ящиков с макаронами, и его подвода вскоре исчезла в ночном лесу. Ранним утром он появился у эшелона снова. На телеге стояли бидоны, наполненные горячим молочным супом.

— Ну вот и сварили, — говорил старик. — Ешьте на здоровье, поправляйтесь. Своим мы рады помочь всем, чем можем.

На исходе пятого дня к эшелону пришли три дружинницы. Они рассказали, что недалеко находится советский полевой госпиталь; достаточно прорваться через вражеское кольцо, и люди будут вне опасности. Медсестра Жаворонкова решила во что бы то ни стало найти безопасную дорогу. Сделать это она вызвалась сама.

Раненые и санитары не хотели отпускать сестру. Они понимали, что риск был слишком большой. Санитар Иван Грушин настаивал:

— Пойду я. Меня ни одна немецкая собака не обнаружит. Я пролезу сквозь игольное ушко.

— Нет, идти нужно мне, — доказывала Лена. — Я переоденусь и пройду незамеченной.

Надев сарафан, повязав голову косынкой, комсомолка Жаворонкова отправилась утром в путь. С ней пошла одна из дружинниц по имени Паша. Они пробирались глухими лесными тропами, старались держаться подальше от больших дорог. В деревни заходили лишь на ночевку.

— Вблизи одного села, — рассказывает Жаворонкова, — нас окликнула женщина. Мы подошли к ней. Она была тяжело ранена и не могла подняться с земли. Рядом с ней в луже крови лежала ее раненая дочь. Мы оказали им помощь и быстро направились дальше.

Не успели они пройти и пяти километров, как с воздуха на них набросился фашистский стервятник. Он снизился и стал на бреющем полете обстреливать из пулемета беззащитных женщин. Жаворонкова и ее спутница спрятались в кустах и стали пробираться дальше лесом.

В лесу они встретили колонну советских автомашин, которая и доставила их до места.

Беспокойное сердце бьется в груди комсомолки Лены Жаворонковой. Не успев как следует отдохнуть, она потребовала немедленно предоставить для перевозки тяжело раненых автомашины и отправилась вместе с ними.

Петляя по многочисленным проселочным дорогам, двадцать автомашин день и ночь пробирали себе путь к санитарному эшелону. Не один

раз водителям машин приходилось вступать в схватки с врагом, строить и чинить мосты. И всюду их сопровождал звонкий, зовущий голос девушки в шинели.

Рейд медсестры Жаворонковой был удачным. Она благополучно провела машины к эшелону и вывезла всех сто тридцать раненых в глубокий тыл.

Фронтная жизнь открыла перед сельской акушеркой новые страницы. Комсомолка Елена Жаворонкова стала доблестной героиней любимой отчизны.

Я. МАКАРЕНКО

Один рейс комсомольца Киселева

Днем или ночью Дмитрий Киселев то вихрем носится на мотоцикле, то осторожно ведет его за собою незаметной лесной тропой, в тылу у врага. Он бывает и разведчиком и нарочным.

— Езжу и все. Ничего тут особенного, — скупно отвечает Киселев на расспросы.

Может быть, и на этот раз никто не узнал бы подробностей разведки у К., когда, жертвуя своей жизнью, отважный комсомолец предупредил красноармейцев о фашистской засаде, да красноречивее всяких слов об этом заявил... мотоцикл. Уезжал Киселев на «ПМЗ», а вернулся на трофейном «иностранице».

Приказ был ясен: миновать деревню К., лежащую между нашими частями и линией обороны противника, сколько возможно, углубиться в расположение врага и донести о своих наблюдениях в штаб.

Отправились ночью. Перед автомашиной с разведчиками мчался Киселев. Вот и К. Места знакомые — на пригорке кладбище, за ним кусты. Километров семь еще можно пройти на машине.

Так и сделали. А потом, спрятав в укромном месте полуторку и мотоцикл, двинулись по обочине еле заметного проселка.

Шли тихо. Осматривали, ощупывали каждое деревцо, каждый куст. Вдруг за поворотом у домика метнулись неясные тени. Кто это?

Как будто, свои? Один, вон, в пилотке, а другой словно в каске... Наши бойцы!

— Товарищи, что за деревня?

Тени сразу отпрянули в сторону. Залегли и разведчики. А минуты через две на середину дороги снова вышел человек в красноармейской пилотке и замахал рукой.

— Быть наготове, — шопотом передал командир. — Я сам проверю.

Выдвинувшись вперед, лейтенант Телегин громко повторил:

— Что за деревня?

Фигура нырнула в кусты.

— Файер! — внятно произнес сипловатый голос за будкой.

По проселку коротко хлестнул автомат.

— Не удался ваш маскарад, фашистские сволочи! Получайте... — И разведчики из ручных пулеметов ударили по осиному гнезду.

Там кто-то вскрикнул, послышался приглушенный стон.

— Назад! — скомандовал лейтенант Телегин.

Красноармейцы скрылись в зеленой чаще. Немцы открыли беспорядочную ружейную трескотню. Никто не отвечал им. Тогда взвилась вверх осветительная ракета.

Пожалуй, это было разведчикам только на руку. В ярком свете, озарившем окрестности, они увидели ломаную линию окопов и машины, запрудившие деревенскую улицу.

Выждав, пока утихла кутерьма, лейтенант Телегин густым кустарником повел свою группу обратно.

Вскоре они снова неслись по шоссе — впереди мотоцикл, полуторка сзади.

Киселев пристально вглядывался в неясную полосу «запутника» — старого, заросшего проселка.

«Что могла означать их ракета? — все время думает он. — Навряд ли эта иллюминация была устроена ради нашего удобства... Сигнал?».

На всякий случай он прибавил газу. Дистанция между мотоциклом и машиной с разведчиками заметно выросла. Не сбавляя скорости, влетел в деревню...

Градом пуль встретила мотоциклиста черная, безглазая изба. Фашистские бандиты отрезали разведке обратный путь!

Резко свернув руль вправо, Киселев очутился в канаве. Немного прополз, ощупал себя:

«Цел? Цел. Что это мокрое? Масло... Изрешетили весь мотоцикл! Да что я, разве это важно? Сейчас подойдет машина. За шумом мотора они могли и не слышать стрельбы. Дать им знать, что в деревне засада».

Ни на секунду не задумываясь о своей собственной судьбе, Киселев выхватил из кобуры пистолет. Пять раз подряд он нажал на гашетку, целясь в черный провал выбитого стекла, откуда встретила его очередь пулемета.

Снова быстрыми вспышками загремела изба, над головой просвистели пули.

Все это произошло в течение какой-нибудь минуты. Смолкла стрельба, и Киселев услышал ровный, все нарастающий шум мотора.

Вихрем ворвалась в деревню машина. Прежде, чем фашисты успели выскочить ей наперерез, она пронеслась по дороге и, хлопая пробитыми баллонами, скрылась в лесу.

— Значит, слышали. Ушла!

Это была первая мысль. И вторая: пора самому убираться...

Неслышно раздвигая густую траву, Киселев отполз от дороги. Спасибо, темно! Пробраться бы к кладбищу до рассвета.

Медленно подвигая то ногу, то руку, он пополз. Проклятая изба остается левее. Вот и кустики. Здесь...

Хрустнул под левым коленом предательский сук.

— Вжик, вжик, вжжк...

Пули так и вшивались в землю. Громко застрочил впереди пулемет.

«Пережду. Пусть думают, что удалось подстрелить меня».

Сдерживая дыхание, он остался лежать, не двигая ни одним пальцем. С кладбища дали еще две очереди. Пули пролетели мимо. Киселев не шелохнулся.

Сколько он пролежал? Наверное, десять, пятнадцать минут. Они показались часами. Уже светало, когда отважный разведчик достиг кустов. Отсюда—в лес, а там уж недалеко.

Киселев приближался к части. Раздались выстрелы. Прямо из-за бугра выскочил на него немецкий мотоциклист и клюнул носом посреди пути. Незадачливый фашист так и не вернулся из своей поездки. А красноармейцы—это они подбили гитлеровца—вручили трофейный «ВМ» герою-разведчику.

Так окончился один из многих рейсов Киселева. Сегодня, как и вчера, мелькает среди деревьев синий комбинезон и быстро утихает вдали стрекот мотоцикла. Попрежнему нет задания, которое показалось бы ему неосуществимым.

Младший лейтенант В. ИОРДАНСКИЙ

Действующая армия.

В пороховом дыму

Он стоял у подножья каменистого холма и крепко сжимал древко знамени. Опаленное огнем, пробитое пулями, боевое полотнище вольно развевалось на ветру.

Человек в стальной каске пристально вглядывался вперед, напряженный, как будто готовый к стремительному прыжку. А вокруг грохотали разрывающиеся снаряды. Огненные языки ослепительным блеском озаряли предвечернюю синеву.

Из-за пригорка показалась плотная фигура командира полка майора Гавилевского. Он поровнялся со знаменосцем. Обернулся. Перед ним, припав к земле, лежали цепи бойцов. Они ждали только сигнала.

И тогда майор громко, точно стараясь заглушить артиллерийскую канонаду, закричал:

— Вперед! За родину, доблестные бойцы!

И поднялись цепи пехотинцев, оцетинив вороненые штыки.

Понеслось, зарокотало тысячеустое красноармейское «ура».

Впереди цепей навстречу врагу крупным шагом шел знаменосец. Временами он припадал к земле. У бойцов сжималось сердце: не пуля ли сразила его? Но проходила секунда, знаменосец поднимался и снова устремлялся вперед, а за ним двигалась лавина бойцов.

Канонада утихла. Враг, не выдержав грозной атаки, беспорядочно отступил.

Высота занята. Боец воткнул древко знамени в мокрую, разрыхленную снарядами землю. На правом плече его гимнастерки чернело большое пятно. Только теперь он почувствовал, что ранен.

К знаменосцу поднимается майор. Он крепко жмет руку бесстрашному комсомольцу Гончаренко. И скупой на похвалы, майор говорит коротко:

— Хорошо. Даже очень хорошо! — и идет дальше.

В который раз бесстрашно отражает врага героический полк.

На вершине холма реет красное знамя, изрешеченное пулями.

И кажется, что на этом знамени запечатлена славная летопись полка, его ратные подвиги, отвага воинов, которые, не страшась смерти, завоевали полку честь и славу.

Никогда не изгладится память о суровых днях 1940 года, когда 306-й стрелковый полк героически сокрушал белофинские доты, совершая беспримерные марши в заснеженных лесах Финляндии. Полк удостоился в те дни высокой чести: он был награжден орденом Красного Знамени. Свыше ста воинов, храбро сражавшихся с коварным врагом, были награждены орденами и медалями, и среди них десятки комсомольцев. Весь полк гордится комсомольцами Зюзиным, Чугуновым, Ватаевым, Корневым и многими другими, кто прочно связал свою жизнь с судьбой прославленной воинской части.

— Первые выстрелы, раздавшиеся ранним утром 22 июня, застали полк на границе нашей

родины. Четыре дня подряд сдерживал полк натиск фашистских орд.

Бывало, отдельные роты, батальоны попадали в окружение, им грозила опасность, но никогда не покидало бойцов мужество, они не теряли решимости сопротивляться до последнего вздоха.

Эта решимость, эта негибаемая воля, твердость характера, вера в свои силы выкованы на полях сражений за честь родимой земли, в пламени, в пороховом дыму.

В разгар войны вечером на командный пункт полка, расположившегося в глухом лесу, явился рослый, плечистый военный.

Увидев командира полка, он доложил:

— Младший лейтенант Ватаев прибыл в ваше распоряжение.

Майор приподнялся:

— Ватаев! Какими судьбами? Как ты нас разыскал?

— Еще бы вас не разыскать. 306-й на весь фронт славится.

— Так вот по какому ориентиру нашел ты нас, — улыбнулся майор. — Ну, что ж, работа найдется.

Комсомолец Ватаев был назначен командиром роты. И в первый же день отличился в бою. Ватаев — участник боев с белофиннами. Тогда он был награжден орденом Ленина за беспримерную храбрость. В прошлом году он уволился из армии по болезни. Началась отечественная война, и Ватаев настоял в военкомате, чтобы его послали в родной полк.

Безмерно любят свой полк бойцы, командиры и политработники.

Каждый из них с гордостью произносит:

— Наш 306-й орденосный!..

Все их помыслы устремлены на то, чтобы умножить славу своего полка в героических боях за родную землю.

...Боец Дорохов шептал на ухо соседу:

— Куда ты? Ошалел... Ведь их погляди сколько... туча...

— Я все-таки попробую, — ответил Сергей Григоренко.

Он взял пулемет и, ловко маскируясь, полз к флангам противника. Ему удалось близко подкрасться к врагу, который собирался в атаку.

— Ну, что ж, милости просим! — сказал Григоренко и застрочил из пулемета.

В стане врага поднялась паника.

Но тут случилась беда. Пулемет сильно нагрелся. Образовался нагар, и замок перестал действовать.

Как быть? Что делать?—молнией пронеслось в голове молодого пулеметчика. Побежишь назад—возьмут на мушку. Останешься—тоже не сдобровать.

У Григоренко созрел смелый план. Он решил тут же на месте произвести ремонт пулемета, хотя противник находился от него в двухстах метрах.

Это заметили фашисты.

— Взять живым! — приказал офицер.

Немецкие солдаты бросились в сторону пулеметчика, который с невозмутимым спокойствием продолжал чистить замок.

Фашисты уже в сорока метрах.

— Пропал рус! Руки вверх! Попался рус!—ликуя, кричали враги.

— А вот этого не желаете?—крикнул в ответ комсомолец Григоренко и быстро вставил

замок, приподняв пулемет от земли, и пулемет снова заговорил. Да как заговорил!

Комсомолец-пулеметчик Лихтенвальд по национальности немец. На русской земле он обрел свою родину и теперь мужественно ее защищает.

Пулеметчик расстреливал фашистов. Он прикрывал отход своей части на новые огневые позиции. Немцы были совсем близко. Он отчетливо слышал, как тучный унтер кричал:

— Рус! Мы тебя не тронем. Только ты не стреляй. Мы скоро придем. Не стреляй!..

У Лихтенвальда иссяк запас патронов, и он перестал стрелять. Враги надвигались. В это время подоспел подносчик патронов. Он принес несколько лент.

Комсомолец воспрянул духом.

— Хорошо!—закричал он по-немецки.—Подходите. Я вам кое-что расскажу... Идите смелее... Я жду вас...

Те буквально оцепенели от удивления. Они прекратили стрельбу и таращили глаза на пулеметчика, который так свободно из'яснялся по-немецки.

Фашисты, обрадованные, ринулись.

Но, увы! Для них была приготовлена «горячая» встреча. Когда они приблизились на 30 метров, Лихтенвальд открыл шквальный огонь.

Изобретательностью прославился в полку комсомолец-армянин Мкртчян. Вместе со взводом красноармейцев он отправился в разведку, чтобы помочь второму батальону выйти из окружения. В пути их настиг фашистский самолет. Мкртчян не растерялся. Накануне он где-то раздобыл фа-

шистские опознавательные знаки. Хотел было их выбросить, но потом раздумал:

— Пригодятся!

Игодились. На лесной опушке он живо разложил эти знаки.

Фашистский летчик приготовился было расстреливать воинскую часть. Но, увидев немецкие знаки, опешил, повернулся, набрал высоту и быстро скрылся из виду.

Благодаря хитрости Мкртчяна весь батальон удалось вывести из окружения целым и невредимым.

Храбрость, стойкость, воинскую хитрость и презрение к смерти во имя родины воспитали у бойцов командиры и политруки.

Непобедимы такие люди. Они впишут еще не одну славную страницу в историю своего героического полка.

М. КОТОВ, В. ЛЯСКОВСКИЙ

Действующая армия.

Они прокладывают путь к победе

ГЕРОИЧЕСКИЕ ДЕЛА КОМСОМОЛЬСКОЙ ЧАСТИ САПЕРОВ

Третьи сутки напролет люди строили мост через реку. А неподалеку безумолку рывкали пушки.

Люди не смыкали глаз. Они торопились. Они отказывались от сна, на ходу глотали пищу и снова торопливо взбирались на стропила, скрепляли только что вбитые сваи, делали настил, опускались по пояс в студеноую воду. «Скорее бы, скорее бы кончить», — эта мысль владела всеми. Ведь по этому мосту должны пройти новые войска, чтобы внезапным ударом смять неприятеля.

И люди лихорадочно воздвигали мост. Под руками у них не было леса. И тогда они сами отправлялись за сто верст с пилами и топорами, пилили там деревья и возили бревна к реке.

Новый мост был закончен в срок. Прямой и ровной лентой он связал берега широкой реки. По мосту помчались машины со снарядами и патронами, пошли войска.

— Мост окончен, — отпартовал командир подразделения.

— Очень прекрасно, товарищи, — поблагодарил строителей командир части. — От души вас

благодарю. Вы работали, как настоящие комсомольцы!..

Инженерно-саперная часть молодых энтузиастов существует недолго, но ее прекрасно знают защитники Советского Юга. У части своя интересная история. Она создана из добровольцев-комсомольцев в самый разгар войны. Когда было объявлено о комплектовании добровольческой комсомольской части, в комиссии не было отбоя от желающих вступить в нее. Ее сформировали буквально за один день.

В горниле войны часть закалялась. Вместе с бойцами кадровых частей добровольцы мужественно переносили невзгоды, лишения, тяжелые испытания. На дорогах войны они учились. За короткий срок они соорудили больше десяти мостов, восстановили бесчисленное количество мелких переправ, отремонтировали много переездов, настлали не один километр дорог.

Сейчас в донских и донецких степях дуют холодные, порывистые ветры. Они обжигают лицо. От холода коченеют руки. Но бойцы комсомольской части работают с удесятеренной энергией и смелостью. Особенно самоотверженно действуют комсомольские подразделения лейтенанта Камачкина и младшего лейтенанта Евтушенко.

Храбро и доблестно действуют подразделения, занятые минированием и строительством заграждений.

Однажды саперы комсомольской части получили задание пробраться в тыл к противнику и заминировать поле, которое фашисты, судя по некоторым сведениям, решили использовать под аэродром. Ночью смельчаки отправились выполнять боевое задание. На дворе стоял крепкий

мороз. Четверо юношей, молодых воинов, бесшумно пробрались к назначенному месту, быстро заложили мины и так же скрытно вернулись назад.

Предположения оправдались. Немцы действительно облюбовали этот участок под аэродром. Ранним утром над полем показался немецкий самолет. На его борту находился крупный немецкий генерал, командующий 11-й армией. Самолет пошел на снижение. Но как только он прикоснулся к земле, раздался оглушительный взрыв. Весь экипаж фашистского самолета сгорел.

Чудеса храбрости показывают бойцы, занятые обезвреживанием вражеских мин. Им приходится работать в полях и на дорогах, на чердаках домов и у колодцев. На каждом шагу саперов подстерегает смертельная опасность. Мины противника приходится вылавливать под огнем.

— Мы научились отменно удить мины,—говорит член комсомольского бюро Волошко.

Бойцы, производящие разминирование местности, идут всегда впереди действующих частей. Они всегда принимают первый удар врага. В последних боях под Ростовом молодые саперы вели себя поистине героически. Немцы на подступах к городу заминировали огромный участок. Они пристреляли здесь каждый клочок земли. Комсомольцы Нагорный, Галайко, Тимофеев, Иванов изъявили согласие пойти первыми на разминирование. Как только группа смельчаков направилась на выполнение задачи, по ним открыли огонь вражеские минометчики и автоматчики. Не страшась смерти, герои сумели быстро выловить десятки мин.

А спустя час после мощной артиллерийской подготовки наша пехота перешла в атаку. Бойцы уверенно прошли через рубеж,—на поле уже не было мин.

— А вы и в самом деле герои, ребята!— после боя сказал саперам командир.

Те смущенно поглядывали друг на друга. Им самим казалось, что они совершили самое обыкновенное, простое дело и ничего тут героического нет.

— У нас такая работа, иначе нельзя,—сказал Нагорный.

«Иначе нельзя» — вот их девиз. Это девиз прекрасный, девиз мужественный, девиз, ставший жизненным правилом нашей молодости.

М. КОТОВ, В. ЛЯСКОВСКИЙ

Южный фронт.

Содержание

	Стр.
А. Борисов.—Прорыв	3
Верная дочь советского народа Лиза Чайкина	9
Герой Советского Союза комсомолец-партизан Александр Чекалин	14
С. Любимов.—Мы не забудем тебя, Таня!	19
В. Чернышев.—Наша «Таня»	25
Н. Михайлов. — О восьми повешенных в Голово- ламске	32
М. Копиленко. — Подвиг девушки	42
Юр. Корольков.—Комсомолка Володя Рыбинский	45
В. Кравченко.—Клятва	48
Макаров.—Советский человек	52
Я. Макаренко.—Девушка в шинели	55
В. Иорданский.—Один рейс комсомольца Киселева	61
М. Котов, В. Лясковский.—В пороховом дыму	65
М. Котов, В. Лясковский.—Они прокладывают путь к победе	71

Ответственный за выпуск **М. САГРАДЬЯН**

Корректор **Н. ПРЖЕВАЛЬСКАЯ**

НГ19071. 5/III 1942 г. Учетно-изд. л. 31¹/₄. Печ. л. 2¹/₂.
Знаков в бумажном листе 57000. Заказ 996. Тир. 30000.
Саратов, тип. изд-ва „Коммунист“.